

Эйнштейн и Ленин — два божества XX столетия

Историк науки не имеет право кого-либо обожествлять. Если биография начинается с пафосных слов: «Такой-то — гениальный мыслитель...» или «такой-то — величайший ученый современности ...» и т.д., дальше можете закрыть книгу, так как данный автор находился не в той интеллектуальной форме, какая требуется для объективного исследования. Возможно, он преследовал какие-то ненаучные цели или, как говорили в советское время, узкопартийные интересы. В любом случае он не справился со своей задачей и не понял элементарной вещи: всякое возвеличивание ученого автоматически приводит к обострению борьбы вокруг его учения. Обязательно найдутся критики, которые не только не согласятся с высокой оценкой заслуг прославляемого, но и отыщут у него множество ошибок. В ответ автор панегириков и хвалебных од, закрывая глаза на истину, предпримет всё от него зависящее, чтобы защитить свой объект обожания от осмеяния и поругания. На кого он будет опираться, тоже известно: на толпу невежд, которую он успел переманить на свою сторону. Никто из поклонников не станет выслушивать критические аргументы по существу, всех будет возмущать сам факт неуважения и посягательства на авторитет, нежелания признавать кумира, что будет расценено как оскорбление добропорядочного сообщества, создавшее этот культ. Того, кто не блюдет святых заповедей и нарушает установленные законы, фанатики разорвут на части. Вокруг обожествленных личностей пролилось больше крови, чем за богатства, города и земли вместе взятые.

Искушенный читатель понимает, что для обожествления человека требуются совершенно иные качества психики, чем всезнающий и быстрый ум. Механизмы генезиса и экспансии релятивизма ничем особенным не отличаются от аналогичных процессов зарождения и распространения, скажем, ленинизма. Вожди, вроде Ленина или Сталина, не оставили бы столь кровавого следа в истории, если бы не их приспешники. Мультипликация усилий происходит за счет выстраивания авторитарной вертикали власти: при Сталине эта вертикаль была более жесткая, так что от нее зависела жизнь и смерть многих миллионов советских граждан. В мире науки всё смягчено: от Эйнштейна люди, конечно, не гибли в тюрьмах и лагерях, но их научная карьера всё же во многом определялась симпатиями и антипатиями ортодоксальных релятивистов.

Сегодня, спустя много лет после эпохи пребывания богов на земле (Ленина, Сталина, Эйнштейна, Фрейда и т.д.), ситуация в стране и мире радикальным образом изменилась. Всем более или менее ясно, что их учениям наступает конец, всё меньше и меньше людей верит в их святость и мудрость. Есть надежда, что все мы доживем до тех дней, когда учения релятивистов и фрейдистов растворятся в небытие, как это уже случилось с учением марксистов-ленинцев. Сердцем этого желаешь, но умом понимаешь, что ждать придется еще долго.

Каждый гражданин нашей страны, живший в советское время, помнит слова из песни "Ленин всегда с тобой" (слова Л. Ошанина, музыка С. Туликова). Она пелась чуть ли не каждый день по радио и телевидению, она звучала в концертных залах и на школьных утренниках. Приведем первый куплет и припев из этой песни:

День за днем идут года.
Зори новых поколений,
Но никто и никогда
Не забудет имя Ленин.

Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой
В горе, надежде и радости.

Ленин в твоей судьбе,
В каждом счастливом дне.
Ленин в тебе и во мне.

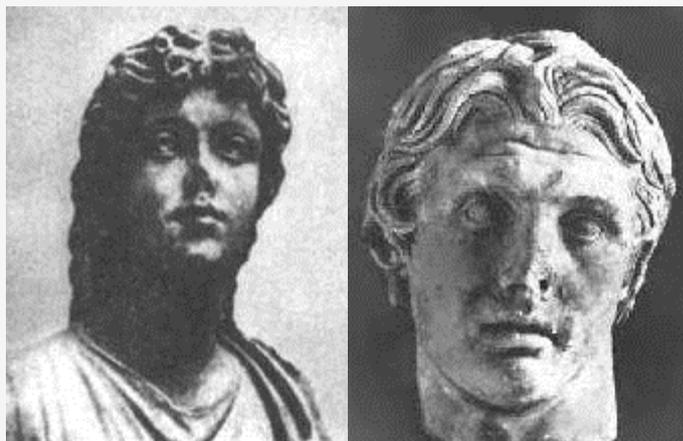
Считалось, что Советская страна является атеистическим государством, но этого не было в действительности. Образ Ленина полностью вытеснил образ Иисуса Христа и занял в умах и сердцах большинства советских людей прочное место. Двум богам не служат, поэтому христианство во время господства идеологии марксизма-ленинизма было в загоне. После прихода Горбачева коммунистические идеалы рухнули, но поскольку обыватели всегда нуждаются в опиуме, их умы и сердца быстро вернулись к Христу.

Иисус

Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое;
Да придет Царствие Твое;
Да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
Хлеб наш насущный дай нам на сей день;
И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.
Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.
Аминь. (Мф 6:9)

Иисус Христос (слева) Александр Македонский (справа) — две скульптуры эпохи конца Римской империи и начала распространения христианства. Верующие римляне лепили образ Иисуса Христа в виде прекрасного юноши-воина, напоминающего образ Александра Македонского.

Фигура Ленина является идеальным объектом для изучения механизма становления и крушения кумира миллионов людей. Та роль, которую играл Сталин в обожествлении образа Ленина, сродни роли апостола Павла в обожествлении образа Иисуса Христа. Славословие в адрес вождя мирового пролетариата началось задолго до его кончины. Так, в «Речи на собрании в Московском комитете РКП(б) по поводу 50-летия со дня рождения В.И. Ленина» его соратник по партии сказал: «После произнесённых речей и воспоминаний мне остаётся мало что сказать, — начал Сталин. — Я хотел бы только отметить одну черту, о которой никто еще не говорил, это — скромность товарища Ленина и его мужество признать свои ошибки. Мне вспоминается, как Ленин, этот великан, дважды признался в промахах, допущенных им... [идет рассказ о бойкоте Виттевской думы в 1905 г.; далее Сталин перешел к эпизоду 1917 г., связанного с Демократическим совещанием].

Нам казалось, — продолжил он, — что все овражки, ямы и ухабы на нашем пути нам, практикам, виднее. Но Ильич велик, он не боится ни ям, ни ухабов, ни оврагов на своём пути, он не боится опасностей и говорит: "Встань и иди прямо к цели". Мы же, практики, считали, что невыгодно тогда было так действовать, что надо обойти эти преграды, чтобы взять потом быка за рога. И, несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания. Ильич был уже тогда в Петрограде. Улыбаясь и хитро глядя на нас, он сказал: "Да, вы, пожалуй, были правы". Это опять нас поразило. Товарищ Ленин не боялся признать свои ошибки. Эта скромность и мужество особенно нас пленяли. (Аплодисменты.)» [9, т. 4, с. 316 — 318].

Легко узнаваемый евангелический стиль — простой, предельно понятный самым темным массам. Заветы Ленина, составленные бывшим семинаристом Сосо Джугашвили, носят намного более религиозный императив, чем заповеди Иисуса Христа. После смерти вождя в «Речи по поводу смерти Ленина» Сталин сказал: «Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь! ...

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь! ...

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь! ...

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь! ...

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять союз республик. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь! ...

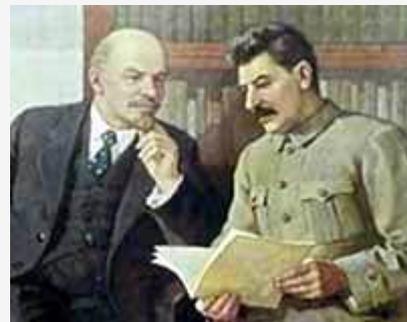
Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам коммунистического интернационала. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — коммунистический интернационал!» [9, т. 6, с. 46 — 51].

Основной текст Евангелие от Сталина был оглашен на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. В «Речи о Ленине» новый вождь мирового пролетариата максимально восхваляет и обожествляет личность ушедшего вождя. Оратор разбил свою речь на небольшие разделы; в преамбуле он сказал: «Товарищи! ... Я

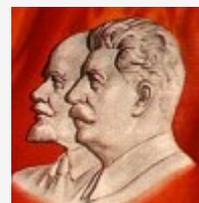
полагаю, что нет необходимости представлять связанный доклад о деятельности Ленина. Я думаю, что было бы лучше ограничиться сообщением ряда фактов, отмечающих некоторые особенности Ленина, как человека и как деятеля. Между этими фактами, может быть, и не будет внутренней связи, но это не может иметь решающего значения для того, чтобы получить представление о Ленине».

Далее он называл отдельные качества характера вождя и давал им разъяснения. Первой характеристикой была — «Горный орел». Здесь Сталин рассказал, при каких обстоятельствах он познакомился с Лениным. В 1903 г., находясь в ссылке в Сибири, он получил от Ильича «простое, но глубоко содержательное письмо», которое опытный подпольщик «предал сожжению». «Письмецо Ленина, — говорит Сталин, — было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии».

После заголовка «Скромность» Сталин разъясняет: «Принято, что великий человек обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: "тсс... тише... он идёт". Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было моё разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведёт беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил. Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчёркивать своё высокое положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших "низов" человечества» [9, т. 6, с. 52 — 55].

Затем Сталин привел пример «Силы логики» Ильича; за ним примеры, которые он озаглавил «Без хныканья», «Без кичливости», «Принципиальность», «Вера в массы». Закончил он рассказом о Ленине, как «Гении революции». «Ленин был рождён для революции, — сказал о нем Сталин. — Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчётливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что "Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в

воде". Отсюда поразительная ясность тактических лозунгов и головокружительная смелость революционных замыслов Ленина» [9, т. 6, с. 61]. (Более полный текст «О Ленине» читайте в хрестоматии «Либерализм и тоталитаризм» на странице [И.В. Сталин](#))

Вслед за Свидетельствами Сталина появляются богатая евангелическая литература, авторами которой были жена и родственники Ленина, его товарищи по партии, все, кто видел и слышал хоть раз вождя мирового пролетариата. Евангелисты повествовали о необычайных умственных и физических способностях Ленина, замечательных качествах его характера; рассказывали о поведении его дома и на работе, в Кремле и в шалаше; в сельской ссылке и на собрании рабочих завода; во время вооруженной борьбы и в редкие минуты отдыха. Во всех этих «Святых Писаниях» Владимир Ильич неизменно выглядел бодрым, собранным, жизнерадостным, находчивым, мудрым, знающим, бесстрашным, а также в меру добрым и в меру суровым. Он никогда не раскисал и никогда не говорил глупостей; всё делал быстро, ловко, только по существу и во благо народа. Рабочих и крестьян он уважал и даже сердечно любил, за бедноту радел, богачей ненавидел. Он беспощадно уничтожал классовых врагов — помещиков и буржуазию. Ему нравилось всё только самое высшее и самое благородное, касалось ли это музыки, литературы или живописи. Из многих десятков, а может быть, и сотен тысяч страниц воспоминаний об Ильиче приведем небольшой фрагмент в полстраницы, где очевидец Н.Л. Мещеряков восхищается необыкновенными качествами сверхчеловека.

«В своей московской жизни, — вспоминает он, — Ленин был чрезвычайно скромным человеком. Жил он в Кремле, в помещении, которое примыкает к Совнаркому. Это пять небольших комнат, из которых Ленин выбрал себе [в качестве кабинета] самую маленькую — площадью около 36 квадратных аршин [18 кв. м], проходную, да, кроме

того, как говорят, в ней были скрипучие полы, так что всякий, кто проходил мимо, отрывал его от работы. Но он не соглашался ни на перемещение, ни на ремонт. Помню как-то, кажется, в 1919 г., я зашёл вечером по делу к Надежде Константиновне. Показываю часовому пропуск, звоню, отворяется дверь — открывает её сам Ленин. Он повёл меня к Надежде Константиновне, а сам пошёл работать. Потом подали чай; пришёл Владимир Ильич. Но тут обнаружилось, что у них не хватило ложечек: на четырёх человек их было только две, и приходилось их переключивать из стакана в стакан. К чаю не было дано ничего, кроме чёрного хлеба и масла.

Ещё один факт: как-то к Ленину явилась группа крестьян. В Совнаркоме было довольно холодно, и по окончании разговора один крестьянин спрашивает его: "Что же у тебя, Владимир Ильич, так холодно?" "Да дров, — говорит, — нет, надо экономить". Через некоторое время в Москве был получен на имя Ленина вагон дров, который прислали ему крестьяне, и письмо, в котором было сказано: "вот посылаем тебе вагон дров, сложи печку, а если нет печника, напиши, мы пришлём своего; у нас в деревне такой есть".

Вот какие изумительные взаимоотношения существовали между этим человеком и народной массой. Прибавлю несколько слов о работе Ленина. В Совнаркоме разрешалось говорить докладчику 5 минут, а ораторам — только 3 минуты. "Тут, товарищи, не митинг; агитацией заниматься нечего, нужно говорить только дело", — говорил Владимир Ильич. Поэтому Ленин всегда держал в левой руке часы» [10, с. 224].

После составления своей Евангелие Сталин публикует в семи номерах газеты «Правда» (с 26 апреля по 18 мая 1924 г.) учение Ленина — «Об основах ленинизма», где дает следующие чеканные формулировки: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» [9, т. 6, с. 71]. Затем Сталин дает свои сталинские определения трех противоречий империализма, которые заучивались наизусть всеми, кто жил в Советском Союзе:

«Первое противоречие — это противоречие между трудом и капиталом. ... Второе противоречие — это противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории. ... Третье противоречие — это противоречие между горстью господствующих "цивилизованных" наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира» [9, т. 6, с. 72 — 73]. Основы ленинизма распались на девять ясных разделов: 1) *Исторические корни ленинизма.* 2) *Метод.* 3) *Теория.* 4) *Диктатура пролетариата.* 5) *Крестьянский вопрос.* 6) *Национальный вопрос.* 7) *Стратегия и тактика.* 8) *Партия.* 9) *Стиль в работе.* Даже во времена хрущевской оттепели, наступившей в 1956 г., содержание основ ленинизма, впервые написанное Сталиным, не подвергалось пересмотру. В период с 1924 по 1984 гг. коммунистическая догма испытала меньшие изменения, чем церковная за это же время.

Все тринадцать томов сочинений Сталина, пылящихся у меня на книжной полке, можно было бы выпускать под одним заголовком — «Моя борьба». Он особенно подходит к работам, вышедшим после смерти Ленина. В борьбе за коллективизацию и индустриализацию страны, в уничтожении идейных и личных врагов Сталина ленинизм и культ Ленина стали играть чрезвычайно важную роль. Имя Ленина превратилось в руках Сталина в стальной клинок, которым он умело пользовался, нанося смертельные удары. В стране встала задача коллективизация сельского хозяйства. И вот, он напоминает сельским труженицам:

«Год назад, уходя от нас, великий вождь и учитель трудящихся, наш Ленин, оставил нам заветы, указал пути, по которым мы должны идти к окончательной победе коммунизма. Выполняйте эти заветы Ильича, работницы и крестьянки! Воспитывайте ваших детей в духе этих заветов! Товарищ Ленин оставил нам завет упрочить всеми силами союз рабочих и крестьян. Укрепляйте же этот союз, работницы и крестьянки! Товарищ Ленин учил трудящихся поддерживать рабочий класс в его борьбе против буржуазии, внутренней и внешней. Помните этот завет, работницы и крестьянки! Поддерживайте власть рабочего класса, строящего новую жизнь! Товарищ Ленин учил нас высоко держать знамя коммунистической партии, вождя всех угнетённых. Сплачивайтесь же вокруг этой партии, работницы и крестьянки, — она ваша партия! В день годовщины смерти Ильича партия даёт клич — шире дорогу работнице и крестьянке, строящим вместе с партией новую жизнь» [9, т. 7, с. 1 — 2].

Заветы и учение Ленина, как мы знаем, были написаны самим Сталиным. Но, как заповеди Иисуса и христианское учение есть всего лишь чьи-либо прямые или косвенные свидетельства его жизни и интерпретация его высказываний, точно так же субъективный взгляд Сталина превратился в железобетонную истину Ленина.

Сначала под предлогом, что с вождем пролетариата не все смогли попрощаться, поэтому нужно в зимних условиях соорудить легкое дощатое помещение, где бы каждый желающий мог проститься с усопшим, был построен временный мавзолей. Потом, по настоянию Сталина, решено было тело Ленина забальзамировать, а мумию выставить на вечные времена в специально отстроенном из красного гранита (пролетарский камень) мемориальном комплексе на Красной Площади. Так, культ Ленина стал стремительно расширяться и углубляться по всем направлениям. В стране начали ставить памятники Ленину, называть в честь него города (первым был Ленинград), улицы, заводы, колхозы, институты, библиотеки, школы, детские колонии, дома для инвалидов. Партийные съезды, конференции и собрания превратились в культовые ритуалы с проведением обязательных обрядов, строгость исполнения которых превосходила церковно-религиозную обрядность.

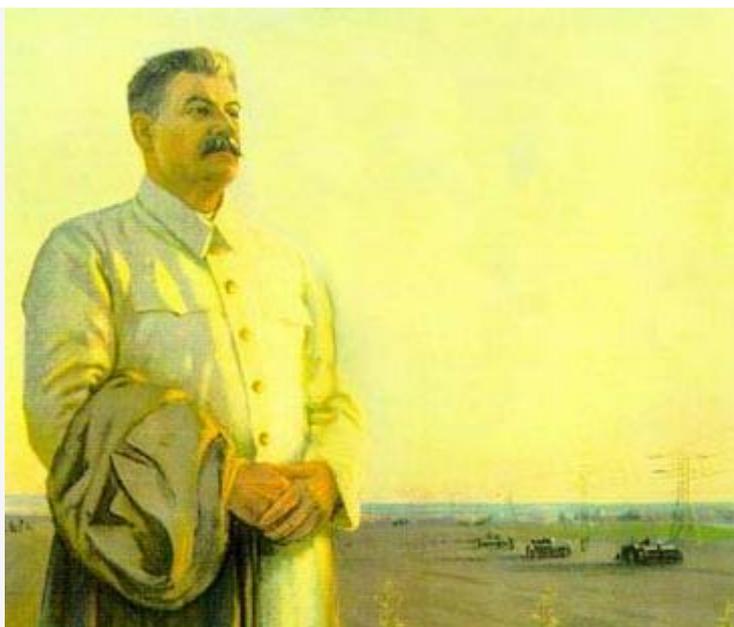

Сцепка типа *мертвый Ленин — это живой Сталин — значит, жив и Ленин* многократно повторялась в истории человечества, менялись только имена. Когда возвеличивание живого происходит за счет обожествления мертвого, это мертвое становится *живее всех живых*. Во всяком случае, культ мертвой личности всегда намного прочнее и долговечнее

культу живой, так как бывшую жизнь мертвого можно идеально выправить и подогнать под насущные задачи дня. Сталин прекрасно понимал это, и умело пользовался культом Ленина. Троцкий, Бухарин, Зиновьев и Каменев тоже сделали немало для культа личности вождя, но они «плакали» и «причитали» как бедные сироты, потерявшие своего единственного родителя. Иной культовый оттенок был у Сталина. Если бы до нас дошли только те сочинения, которые написал Сталин, то сегодня нарисованный им божественный образ громовержца Зевса-Ленина затмил бы навсегда образ Иисуса Христа, о котором помнили бы разве что, как о нарушителе своей иудейской веры и оскорбителе тогдашних представителей духовной и светской власти.

С 1926 г. Сталин разворачивает борьбу против «социал-демократических уклонистов» и оппозиционных блоков, возникших в партии в связи с обострением внутрипартийной борьбы после смерти Ленина. Особенно его раздражали «извращения основ ленинизма», допущенные зиновьевско-каменевской группировкой, «заразившей» широкие партийные слои «неверием в дело победы социализма в СССР». Сталин организует жесткое сопротивление этим вредным поползновениям, «изобличает капитулянтскую идеологию», а также защищает единство большевистской партии от раскольнической и подрывной деятельности троцкистско-зиновьевского блока. В этой борьбе здоровенная дубина ленинского культа, которая к этому времени обросла множеством острых сучков и окончательно одеревенела (вышло первое издание сталинского сборника «Вопросы ленинизма»), была весьма веским аргументом.

«Зиновьев говорил недавно, — напомнил Сталин в своем выступлении на XV Всесоюзной конференции ВКП(б), — что у ЦК нет оснований ругать их блок, так как Ильич одобрял будто бы вообще блоки в партии. Я должен сказать, товарищи, что заявление Зиновьева не имеет ничего общего с позицией Ленина. Ленин никогда не одобрял *всякие* блоки в партии. Ленин стоял лишь за *принципиальные* и *революционные* блоки против меньшевиков, ликвидаторов, отзовистов. Ленин всегда боролся против беспринципных и антипартийных блоков в партии. Кому не известно, что Ленин три года боролся против Августовского блока Троцкого, до полной победы над ним, как против антипартийного и беспринципного блока. Ильич никогда не стоял за *всякие* блоки. Ильич стоял только за такие блоки в партии, которые являются *принципиальными*, во-первых, и, во-вторых, которые преследуют *цель укрепления партии* против ликвидаторов, против меньшевиков, против колеблющихся элементов» [9, т. 8, с. 240 — 241].

Разумеется, отличить в духе Ленина «принципиальный и революционный блок» от «всякого» другого мог только Сталин. Ни Зиновьев, ни Троцкий, ни кто-либо другой не в состоянии постичь истинные основы ленинизма. Вот послушайте, как Сталин умело использовал дубину ленинизма в войне против троцкистов.

«В самом деле, — задается вопросом диктатор, — чем объяснить, что ВКП(б) выражает

полное недоверие оппозиции? Объясняется это тем, что оппозиция вознамерилась заменить ленинизм троцкизмом, дополнить ленинизм троцкизмом, "улучшить" ленинизм троцкизмом. Ну, а партия хочет остаться верной ленинизму, вопреки всем и всяким ухищрениям захудалых аристократов в партии. Вот где корень того, что партия, проделавшая три революции, нашла нужным отвернуться от Троцкого и от оппозиции вообще. И партия поступит подобным образом со *всякими лидерами и руководителями*, которые вознамерятся подкрасить ленинизм троцкизмом или каким-нибудь другим видом оппортунизма. Изображая нашу партию, как голосующую баранту, Троцкий выражает презрение к партийным массам ВКП(б). Что же тут удивительного, если партия, в свою очередь, отвечает на это презрением и выражением полного недоверия Троцкому?

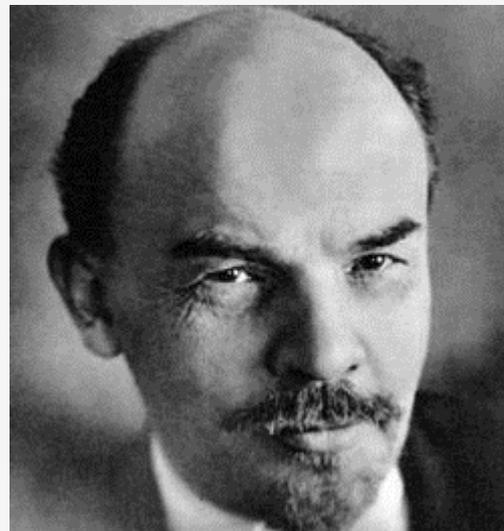

Так же плохо обстоит дело у оппозиции в вопросе о режиме в нашей партии. Троцкий изображает дело так, что нынешний режим в партии, опротивевший всей оппозиции, является чем-то принципиально другим в сравнении с тем режимом в партии, который был установлен при Ленине. Он хочет изобразить дело так, что против режима, установленного Лениным после X съезда, он не возражает, и что он ведёт борьбу, собственно говоря, с нынешним режимом в партии, ничего общего не имеющим, по его мнению, с режимом, установленным Лениным. Я утверждаю, что Троцкий говорит здесь прямую неправду. Я утверждаю, что нынешний режим в партии есть точное выражение того самого режима, который был установлен в партии при Ленине, во время X и XI съездов нашей партии. Я утверждаю, что Троцкий ведёт борьбу против ленинского режима в партии, установленного при Ленине и под руководством Ленина. Я утверждаю, что борьба троцкистов против ленинского режима в партии началась еще при Ленине, что нынешняя борьба троцкистов есть продолжение той борьбы против режима в партии, которую они вели еще при Ленине.

В чём состоят основы этого режима? В том, чтобы, проводя внутрипартийную демократию и допуская деловую критику недочётов и ошибок в партии, не допускать вместе с тем какой бы то ни было фракционности и уничтожить всякую фракционность под страхом исключения из партии. Когда был установлен такой режим в партии? На X и XI съездах нашей партии, т.е. при Ленине. Я утверждаю, что Троцкий и оппозиция ведут

борьбу с этим именно режимом в партии. Мы имеем такой документ, как "Заявление 46-ти", подписанное такими троцкистами, как Пятаков, Преображенский, Серебряков и др., где прямо говорится о том, что режим, установленный в партии после X съезда, изжил себя и стал нестерпимым для партии. Чего требовали эти люди? Они требовали допущения фракционных группировок в партии и отмены соответствующего постановления X съезда. Это было в 1923 г.

Я заявляю, что Троцкий целиком и полностью солидаризировался с позицией 46-ти, ведя борьбу против режима в партии, установленного после X съезда. Вот откуда берёт начало борьба троцкистов против ленинского режима в партии. (Троцкий: "Я не говорил о X съезде, Вы выдумываете") Троцкий не может не знать, что я могу доказать это документально. Документы эти остались в целости, я их раздам товарищам, и тогда будет ясно, кто из нас говорит неправду. Я утверждаю, что троцкисты, подписавшие "Заявление 46-ти", вели борьбу с ленинским режимом в партии еще при Ленине. Я утверждаю, что эту борьбу против ленинского режима Троцкий поддерживал всё время, вдохновляя и толкая вперёд оппозицию. Я утверждаю, что нынешняя борьба Троцкого против режима в нашей партии есть продолжение той антиленинской борьбы, о которой я только что говорил» [9, т. 10, с. 160 — 162].

Троцкий, в конце концов, получил от Сталина смертельный удар ледорубом по голове, но мы не станем рассказывать здесь о «Большом терроре», развернувшемся в 1937 г., который, конечно же, тоже проводился во имя торжества ленинских идей. Главное, что нужно сейчас нам понять: между ленинизмом, как общей идеологией, выросшей из религиозного культа Ленина, и множеством конкретно решаемых задач, чего бы они ни касались — коллективизации или индустриализации страны, труда ученых, писателей,

живописцев и кинорежиссеров, — всегда имеется широченный зазор. Истинная жизнь и идеи Ленина, Христа или Эйнштейна, о котором в дальнейшем пойдет речь, в сущности, не оказывали и не оказывают заметного воздействия на конкретные проявления в жизни людей. Массами открыто манипулируют при помощи гигантских фантомов и придуманных легенд.

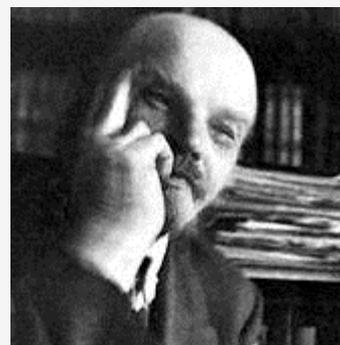

Да, их имена ежечасно произносят в СМИ; да, их высказывания без конца цитируют в школьных и вузовских учебниках; да, их портреты повсюду висят у нас перед глазами. Но в действительности — нет никакой непротиворечивой политической концепции, созданной Лениным; нет непротиворечивой религиозной концепции, созданной Христом, и нет непротиворечивой релятивистской концепции, созданной Эйнштейном. Напротив, идеология, мировоззрение или философия, выросшие из взглядов отдельных

политических и религиозных деятелей, ученых и философов существуют как раз благодаря противоречиям, иначе их нельзя было бы использовать для манипуляции *всеми* членами общества. От текстов, написанных много десятков или сотен лет назад, современным людям остается эфемерный дух, невидимое направление, по которому устремляются миллионы людей, творящие свои дела по собственному усмотрению.

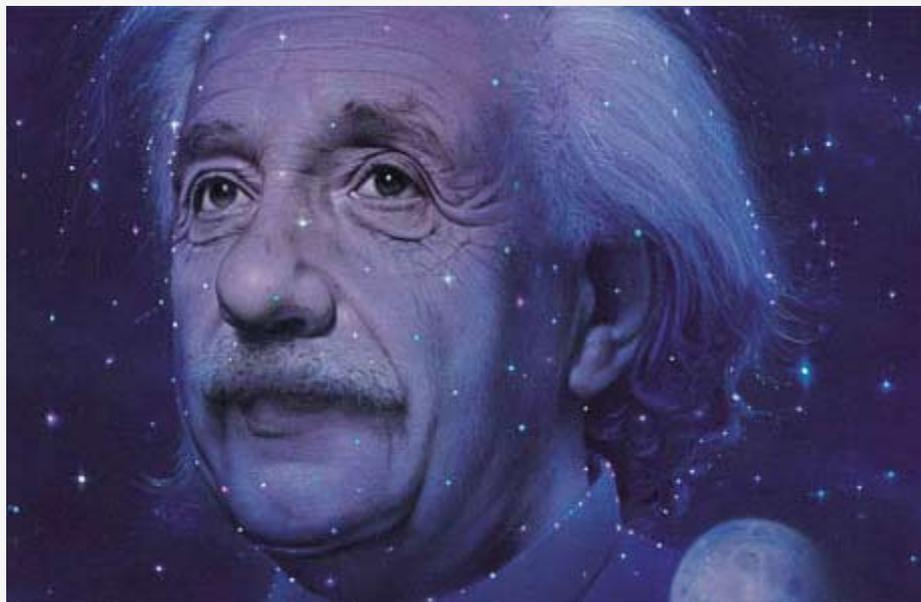
Аргументация, которой руководствовался Сталин, нельзя пересказать. Даже при цитировании его речей, наверняка, утрачивается огромная часть того психологического заряда, который заставлял содрогнуться его товарищей по партии. Наиважнейшим доводом был пронизывающий до костей страх, так что не логика, которая, собственно, отсутствовала, а липкая испарина на лбу и мурашки, бегающие по спине, убеждали слушателей в правоте слов вождя. В частности, в борьбе с троцкистами коммунистический диктатор меньше всего опирался на идеи, когда-либо высказываемые Лениным.

Ровно всё то же самое происходило с «партийными фракциями» у христиан или в мире ученых. Никакого отношения к богам — Христу или Эйнштейну — вся поздняя идейная борьба в обществе не имеет. Сегодня два этих имени эксплуатируются ловкими людьми в своих личных интересах. И в этой беззастенчивой эксплуатации культа содержится общий социально-психологический закон, функционирующий в любое время и в любой сфере деятельности — политической, религиозной, научной или художественной. Единственно, что в политике большевиков эти законы проступают более явственно, чем во всех остальных сферах, они нам известны и доступны, поэтому мы и берем их за образец. Изучив их как следует, мы поймем действие и нынешнего культа личности Эйнштейна.

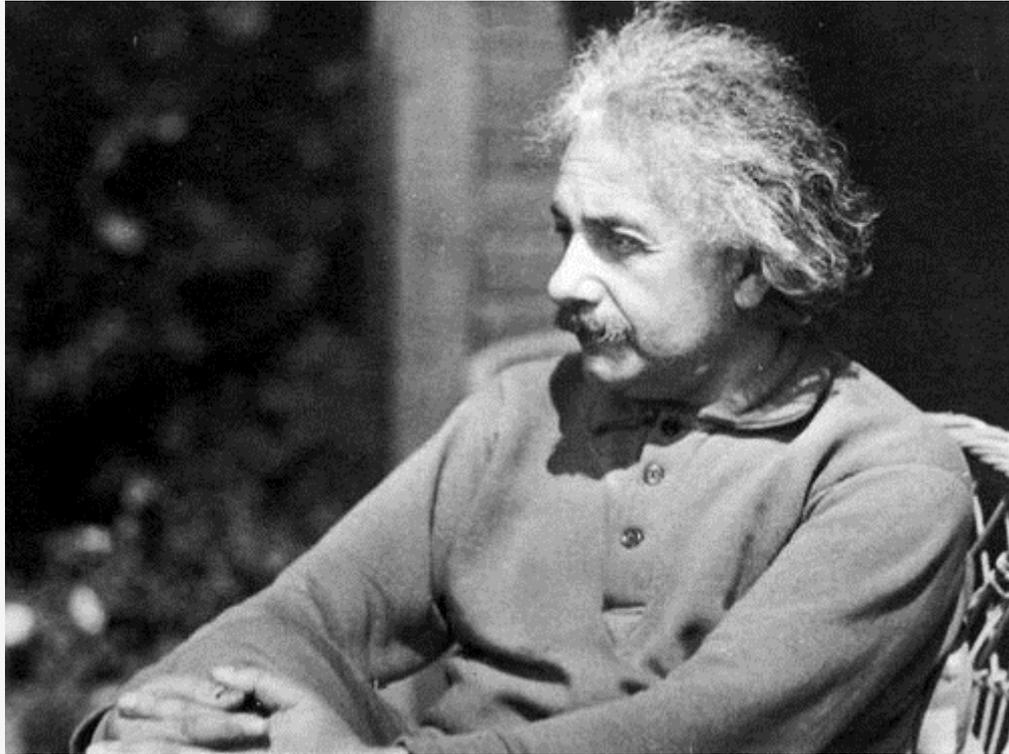

Обожествление человека во все времена происходило по одной и той же схеме: замалчивание каких-то негативных или обыкновенных черт его характера и приписывание ему исключительно положительных и сверхъестественных качеств. Любое сказанное этим человеком слово представляется как кладезь мудрости, а всякое дело или даже совсем пустяковое занятие выдается за подвиг или высшую добродетель. Подобно тому, как на его счет будут относить немислимые чудеса, выдуманные истории, благородные и героические поступки, точно так же ему будут приписывать не принадлежащие ему идеи, моральные сентенции и концептуальные разработки. Всё, что будет делаться во благо общества помимо него, но возле него, непременно окажется в его копилке. Если у кого-то что-то стало получаться, а рядом находился святой, все посчитают, что его святой дух проявил благотворное влияние. По мнению почитателей, присутствие богочеловека оказывает магическое воздействие на все окружающие его предметы и явления. Чем выше градус обожествления, тем больше радиус действия магических сил, и чем сильнее возвеличивание, тем на более длительный срок сохранится вера в сверхъестественную мощь.

Культ личности Брежнева после его смерти держался, меньше полугода, Сталина — около 5 лет, Ленина — свыше 60 лет, Аристотеля — около 2000 лет, Иисуса Христа — тоже около того, но у него есть еще пара тысячелетий в запасе. Вряд ли Эйнштейн может рассчитывать на период, отмеренный Аристотелю, хотя вера в его чудотворные интеллектуальные способности и истинность учения сейчас не меньше, чем у Иисуса Христа. Так, евангелист Б.Г. Кузнецов уверен, что «эффект творчества Эйнштейна и его исходных идей не будет затухать. Напротив, он будет разгораться, воплощаться во все более точных и общих, все более близких к действительности концепциях мира. Таким образом, чтобы ответить на вопрос, что такое жизнь Эйнштейна, в чем его ее смысл, значение, содержание, нужно перейти от жизни в собственном, хронологическом смысле, т.е. от 1879 — 1955 гг., к последующим годам, уходящим в будущее, т.е. к теме бессмертия Эйнштейна» [8, с. 6].

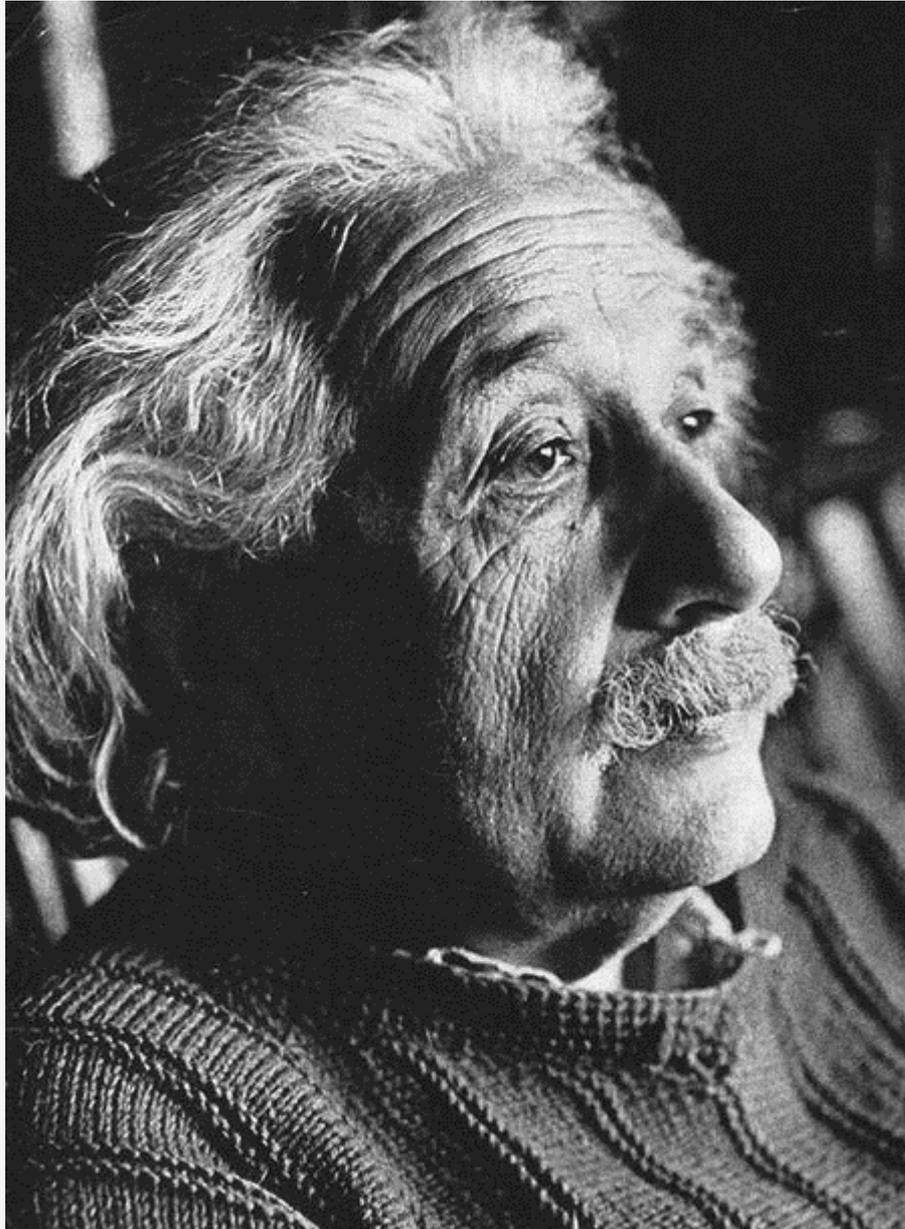

Эпитет *бессмертный* для Кузнецов равносителен эпитету *божественный*. Присваивая его Эйнштейну, он тем самым хочет сообщить ему и его теориям самую высшую ценность. В разделе «Бессмертие» автор пережевывает этот термин, доводя его до нужной философской кондиции, в связи с чем вспоминает Парменида, Зенона Элейского, Джордано Бруно и Гегеля. Он выясняет, что бывает *бесконечность статическая* (таким свойством обладают законченные теории) и *бесконечность динамическая*. После смерти Эйнштейна нам осталась нерешенная «проблема единой теории поля и связанных с ней *заквантовых* закономерностей, управляющих *ультрарелятивистскими* эффектами взаимодействия полей. С этим наследством наука не расстанется; поиски, подходы и затруднения эйнштейновской концепции будут вновь и вновь вставать перед ней, так же как поиски и затруднения великих мыслителей прошлых веков» [8, с. 311].

«Теория относительности, — продолжает Кузнецов, — находится в активе науки: специальная теория получила такую же законченную и однозначную форму, как, скажем, классическая термодинамика, а общая теория, хотя и не достигла подобной формы, является логически завершенным учением о тяготении. Но теория относительности поставила перед наукой проблему *трансмутации* частиц, проблему взаимодействия полей, проблему выведения постулатов относительности (утверждений о том или ином поведении масштабов и часов) из атомистической структуры вещества и излучения (а может быть, и из *атомистической структуры пространства-времени*). Эти проблемы многочисленнее, сложнее и острее, чем проблемы, поставленные когда-то опытом Майкельсона» [8, с. 313 — 314].

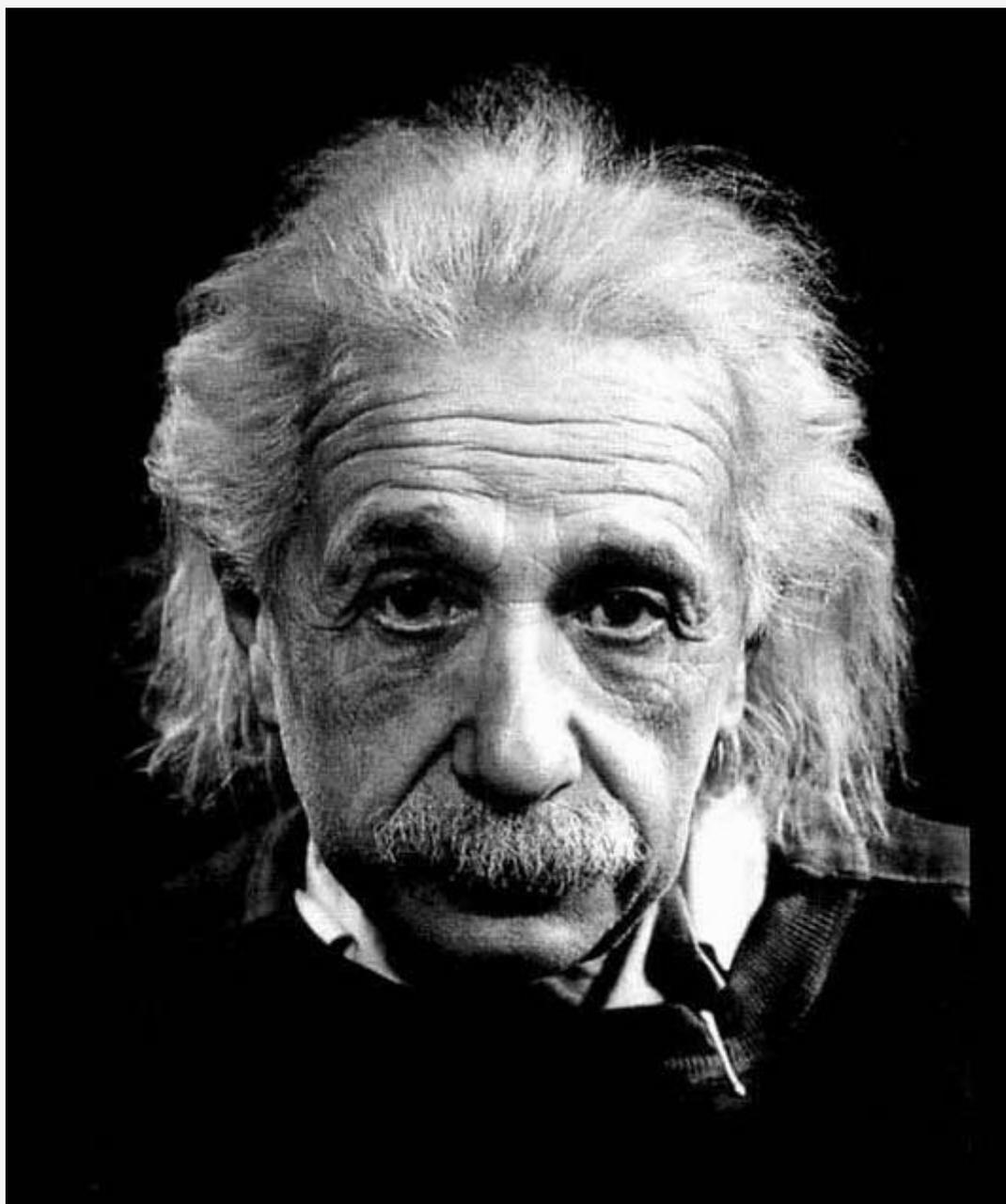
Но «Бессмертие Эйнштейна — говорит Кузнецов, — это не только бессмертие идей, это бессмертие человека». Даже «Старость Эйнштейна — это не угасание, а рост интеллектуальных сил» [8, с. 335]. Этот советский летописец бессмертных творений Эйнштейна не хочет замечать его полного творческого бесплодия в принстонский период. Он принимает космогонические фантазии и спекуляции вокруг единой теории поля за серьезную науку.

Какие ассоциации возникают у вас, когда вы слышите имя Эйнштейна? Наверное, в первую очередь, вам представляется лицо обаятельного дедушки с большой копной седых волос. Его образ вызывает самые положительные эмоции: он добросердечен и мудр как сам Господь Бог. «"Святой", "благородный", "милый" — так характеризовал его каждый, кто знал его хотя бы немного. Он излучал юмор, теплоту и доброту. Он любил шутки и живо на них реагировал» [1, с. 230]. Эти слова взяты из книги Лоуренса «Люди и атомы», которой я зачитывался в пятом классе.

А вот цитата из другой книги моего детства, «Альберт Эйнштейн и строение космоса» Ланцоша: «Эйнштейн вписал несмываемой краской свое имя в летопись науки; эта краска не поблекнет до тех пор, пока на Земле живут люди. Полученные им результаты настолько закончены, что им уже не грозит опровержение. Теории приходят и уходят. Эйнштейн не просто создавал теории, он удивительно чутко прислушивался к негромкому голосу Вселенной и с поразительной точностью записывал ее сигналы» [2, с. 8]. Анри Пуанкаре о сравнительно молодом Эйнштейне написал, что он обладал «самым оригинальным умом, который когда-либо я знал». Эрвин Шрёдингер как-то заметил, что его «гениальность выше, чем у Ньютона». Макс Борн, вероятно, один из наиболее близких ему физиков, говорил: «Идеи Эйнштейна дали физической науке импульс, который

освободил ее от устаревших философских доктрин и превратил в одну из решающих сил современного мира людей» [7, с. 679].

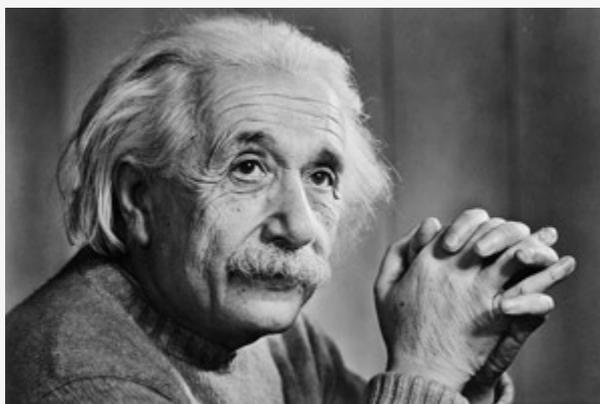
На уход из жизни своего коллеги и оппонента Нильс Бор в журнале *Scientific American* писал: «Со смертью Альберта Эйнштейна оборвалась жизнь человека, посвятившего себя служению науке и человечеству, жизнь, равной которой по духовному богатству и плодотворности нельзя найти во всей истории нашей культуры. Человечество всегда будет в долгу перед Эйнштейном за устранение ограничений нашего мировоззрения, которые были связаны с примитивными представлениями об абсолютном пространстве и времени. Он дал нам картину мира, характеризующуюся единством и гармонией, превосходящими самые смелые мечты предшествующих лет. Гению Эйнштейна, который в равной степени характеризовали высокая логическая стройность и творческое воображение, удалось полностью перестроить и расширить внушительное здание, фундамент которого был заложен великими работами Ньютона» [3, с. 479]. Пуанкаре, Шрёдингер, Борн и Бор сами были выдающимися учеными. Каким же человеком должен быть Эйнштейн, чтобы они так отзывались о нем!

Как только произносится имя Эйнштейна, у меня вслед за этим всплывает знакомое с детства словосочетание «теория относительности». Я вспоминаю свои первые впечатления, которые получил от знакомства с ней, учась в классе 5 или 6. Меня будто охватило какое-то высокое и радостное чувство понимания самой сокровенной тайны бытия. Постоянно улыбаясь над мирской суетой и жизненными проблемами, я начал даже, кажется, светиться этим волшебным знанием. Я будто парил над школьным двором, над бесцельно слонявшимися по городу людьми и пасущимися на лугу коровами. «Боже мой, Боже мой, — бормотал я про себя, — как здорово мне повезло родиться в такое замечательное время, когда физика достигла таких головокружительных успехов!» Тогда, помню, мне было абсолютно всё понятно в сложной и запутанной теории, придуманной Эйнштейном.

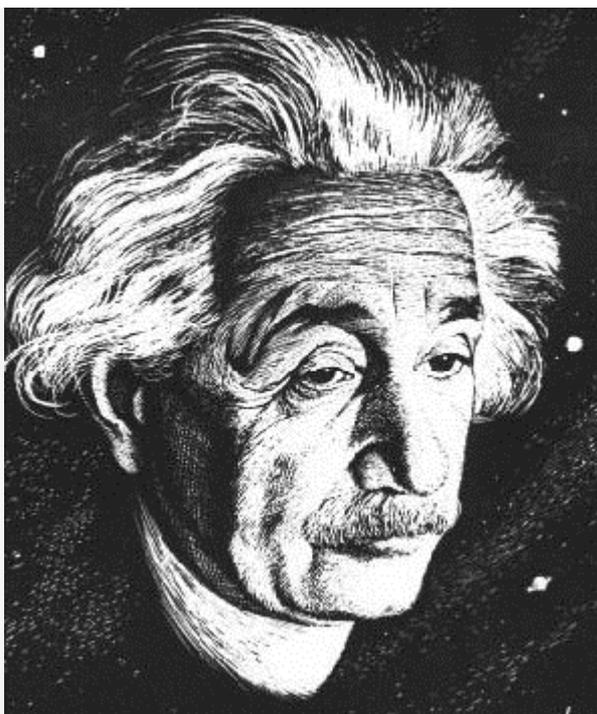
А что, собственно, было непонятного в таких, например, разъяснениях: «Есть области [во Вселенной], в которых время течет с бесконечно большой быстротой. Для наблюдателя..., оказавшегося в такой области, целая вечность от бесконечно далекого прошлого до бесконечно далекого будущего длилась бы всего лишь какое-нибудь мгновение. Иными словами, здесь нет ни будущего, ни настоящего, ни прошлого, т.е. фактически не существует времени... Можно указать такие области, в которых пространство стягивается в точку, т.е. пространство фактически не существует... Есть зоны, где происходят явления,

которые даже трудно себе представить: здесь временные координаты меняются ролями с одной из пространственных, т.е. время как бы превращается в расстояние, а расстояние во время. Подыскать аналогию из реальной жизни трудно. Что почувствовал бы шофер, ведущий автомобиль по шоссе, вдруг обнаружив, что шоссе превратилось в течение времени, а течение времени в шоссе?.. Здесь вы можете встретиться с незнакомцем, кого-то вам мучительно напоминающим. Перейдя "на время" в мир обратного течения времени, вы возвращаетесь и застаёте уже пережитое вами утро, где вы можете встретить самого себя» [4].

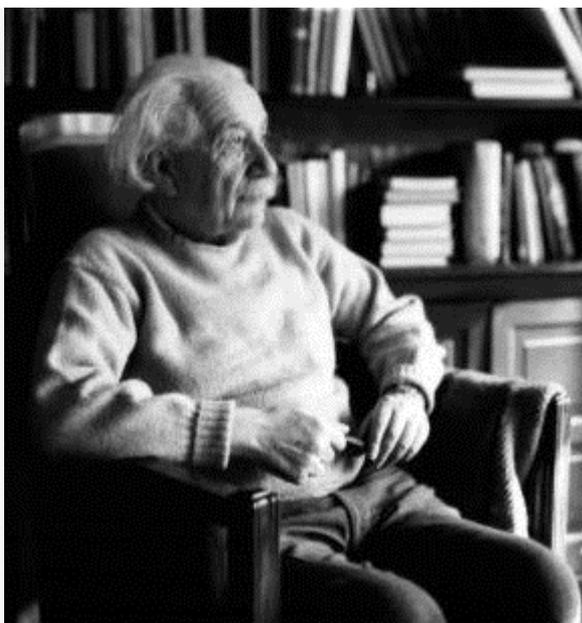
Кто и как придумал эту волшебную сказку? Ну, конечно же, человек, обладающий самыми божественными качествами ума и души! «Всю свою жизнь Эйнштейн провел в уединении на вершине научного сияния, — писал всё тот же Лоуренс, — откуда время от времени спускался с новыми всеобъемлющими законами, которые объясняли тайны мироздания. В своих поисках нового понимания основных законов, управляющих Вселенной, он искал простые общие принципы, определяющие различные проявления космоса. В своей специальной и общей теориях относительности, которые произвели самую величайшую революцию в умах людей после открытия Ньютона, он объяснил понятия пространства и времени, массы и энергии, тяготения и инерции — всего того, что в то время считалось самостоятельными, абсолютными категориями, — в единую всеобщую концепцию» [1, с. 227].

Во времена моего детства в стране издавалась масса популярных книг об Эйнштейне и его революционном учении. Это обилие литературы давало ощущение исключительной информированности и надежности полученных знаний. «Эйнштейна критикуют только одни идиоты и злые антисемиты, завидующие славе этого гения». Примерно так выразился на одном из своих семинаров наш прославленный академик, лауреат Нобелевской премии В.Л. Гинзбург, который немало труда положил на проповедь эйнштейновского учения. Однако его труды, похоже, были напрасны. Мальчишки, катающиеся сейчас на досках у нас во дворе, уже не знают имени Эйнштейна. Люди среднего возраста тоже всё позабыли. Они могут еще припомнить, что согласно теории относительности предметы по ходу своего движения сокращаются, а космонавты возвращаются на землю менее постаревшими по сравнению со своими сверстниками, оставшимися на земле. Иногда вспоминают формулу превращения массы в энергию: $E = mc^2$. Это чуть ли не единственное математическое выражение из всей физики, которое остается в голове у обывателя после долгих лет учебы в школе и институте. Кое-кто может припомнить, что Эйнштейн внес какой-то «неоценимый вклад» в квантовую механику, только вот забыли, какой именно.

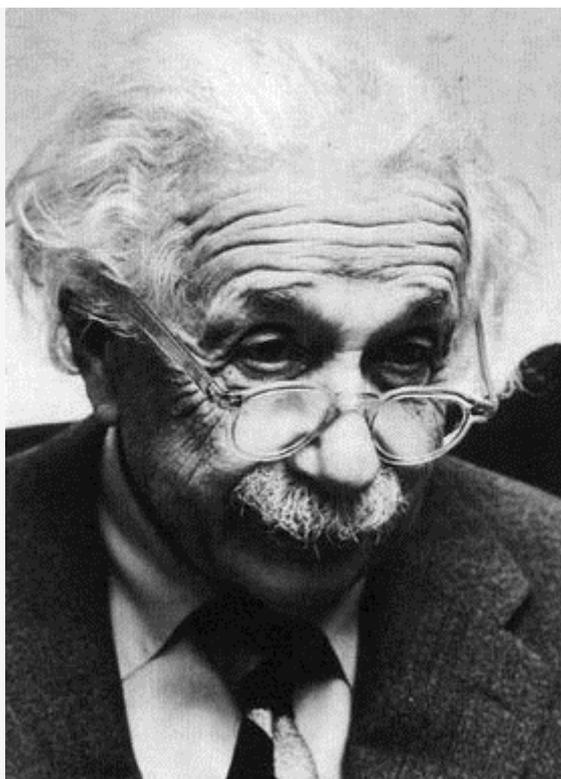
Всё не так было в моем детстве. Формулу $E = mc^2$ мальчишки писали на заборах и отлично помнили, где и когда она впервые появилась. Они точно знали, что 1905 год — это «*annus mirabilis*» («чудесный год») великого прозрения выдающегося ученого. В этом году, в сентябрьской номере «*Annalen der Physik*» (Bd. 17) были опубликованы сразу три статьи, которые, однако, поступили в редакции в разное время. 18 марта была послана статья «Об одной эвристической точке зрения на возникновение и превращения света», за которую автору вручили Нобелевскую премию за 1921 год. Эйнштейн представил лучи света потоком частиц (фотонов), а раньше считали, что это электромагнитные волны. Представление о квантах света позволило Бору в 1913 году создать планетарную модель атома. Десять лет спустя опыт Комптона подтвердил смелую догадку Эйнштейна.

11 мая в редакцию поступила статья «О движении взвешенных в покоящейся жидкости частиц, вытекающем из молекулярно-кинетической теории», которая раскрыла тайну броуновского движения и тем самым доказал существование атомов и молекул. Эрнст Мах и другие ученые в то время еще сомневались в их существовании. Наблюдая в микроскоп за движением в воде мельчайших частиц, Эйнштейн доказал, что причиной их хаотического перемещения является тепловое движение молекул жидкости. С помощью методов математической статистики он вычислил число молекул в единице объема и массу молекулы. В 1926 году французский физик Жан Перрен получил Нобелевскую премию за экспериментальное подтверждение вычислений, выполненных Эйнштейном.

Статья «К электродинамике движущихся тел», присланная в журнал 30 июня, оказалась самой важной. Она легла в основу теории относительности, перевернувшей все наши представления о мире. В ней автор рассказал о существовании относительности электромагнитных явлений. До этого физики имели дело только с механической относительностью. Относительность соединила в одно целое материю, пространство и время. Майя Эйнштейн, сестра Альберта, рассказывала, что первоначально эта работа предлагалась в качестве докторской диссертации к защите в Цюрихском университете, но была отклонена тамошними профессорами по причине «неуважительного отношения автора к авторитетам». Эйнштейн защитил диссертацию на тему «Новое определение размеров молекул», причем со второго раза. В качестве замечания оппоненты выдвинули недостаточно большой ее объем. После доработки объем диссертации составил 21 страницу.

О трех указанных статьях Чарльз Сноу написал: «Можно с уверенностью сказать, что, пока существует физика, ни у кого больше не хватит сил выступить с тремя такими работами в течение одного чудесного года» [6]. Формула $E = mc^2$ в «чудесном году» (miracle year) появилась в четвертой статье под названием «Зависит ли инерция тела от содержания в нем энергии», написанная в 27 сентября 1905 года и опубликованная в следующем номере журнала (Vd.18). В 1907 году была опубликована другая статья на эту же тему, которая содержала несколько иной ее вывод. Благодаря открытию этой удивительной формулы, Эйнштейна называли «отцом атомной бобы». Вместе с тем его считали пацифистом и социалистом, большим другом советского народа. Он писал вдохновенные призывы и письма-рекомендации президентам и главам правительств великих держав. Его самого приглашали возглавить правительство недавно образованного государства Израиль. Мы слышали, что Эйнштейна обожали женщины; он тоже умел любить, например, поговаривали, что он влюбился в несравненную красавицу Мэрилин Монро (в 1960-х годах ее имя не сходило с газетных полос).

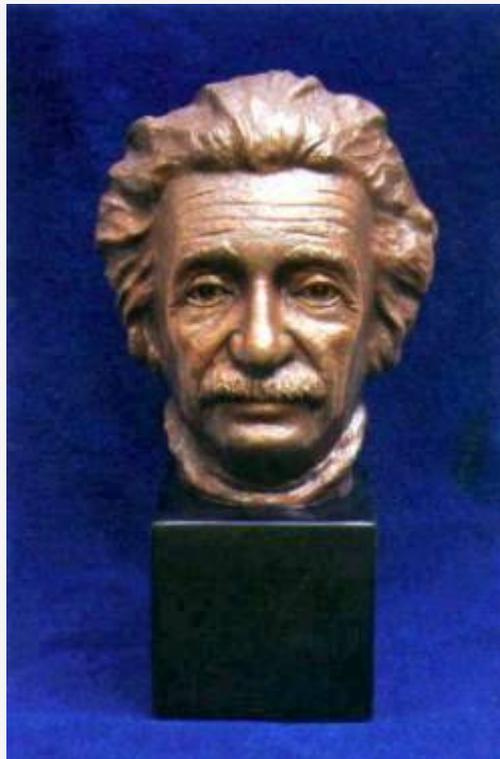

Сейчас я осознаю, что это слишком неглубокий взгляд на физику и искаженное сверх всякой меры представление о Боге XX века. Но именно такая картина до сих пор является преобладающей, несмотря на открывшиеся новые факты и документы. Кто бы мог подумать, что Альберт Эйнштейн способен на некрасивые поступки! Должен признаться, что я в течение примерно двух десятков лет, с 1965 по 1985 год, с огромным уважением и симпатией относился к личности самого выдающегося ученого, когда-либо жившего на земле. У меня над кроватью, пока я учился в школе, висел его замечательный фотопортрет, служивший мне иконой. Потом был институт, аспирантура, полвека жизни и только на склоне лет я начал потихоньку понимать, что меня обманули. Совсем недавно я сообразил, что уже тогда из-за моего кумира физика находилась в глубоком коматозном состоянии, а сегодня мы пышно празднуем ее поминки. Успокаивало одно: обманутым оказался не только я, таких легковверных набралось несколько миллиардов.

Большая ложь стала возможна потому, что важнейшая информация об Эйнштейне с самого начала была либо уничтожена, либо засекречена. Потом то немногое что от нее осталось строжайшим образом охранялось в израильских и американских архивах. Разумеется, от людей прятали не научную информацию (она-то как раз всегда была открыта и мало кого интересовала), прятали биографические сведения, компрометирующие божественную личность. Это и понятно, так как социально-психологический закон культа диктует жесткую связь: *совершенная теория непременно создана совершенным человеком*, в биографии которого не должно быть ни единого темного пятнышка. Честные исследователи эйнштейновского феномена указывали на аморальный облик творца теории относительности, на противоречия и нестыковки в его учении, говорили, что своим культом Эйнштейн нанес колоссальный вред науке. К сожалению, их услышали немногие.

О какой науке можно говорить, когда «гениальный физик» без конца изменял двум своим несчастным женам, Милеве и Эльзе (последняя — его кузина)? Ему просто некогда было думать о науке: вся его жизнь — это непрерывная череда любовных отношений с десятками, если не сотнями, женщин. И о какой морали может идти речь, когда «великий гуманист» забыл о своих законных сыновьях, Гансе Альберте и больном Эдуарде (он — невменяемый шизофреник)? Двух незаконнорожденных дочерей, Лизерль и Эвелину (последняя родилась в 1941, живет до сих пор в США), он, вообще, не признал. Обладая посредственными способностями, он вел праздный образ жизни, купаясь в лучах славы и постоянно думая о своих многочисленных любовницах, он непрерывно отдыхал. Эйнштейн никогда не был добрым и мудрым человеком, напротив, в его характере и поступках просматривается жестокость, коварство и лицемерие. Мы просто многого не знали о нем — вот и всё.

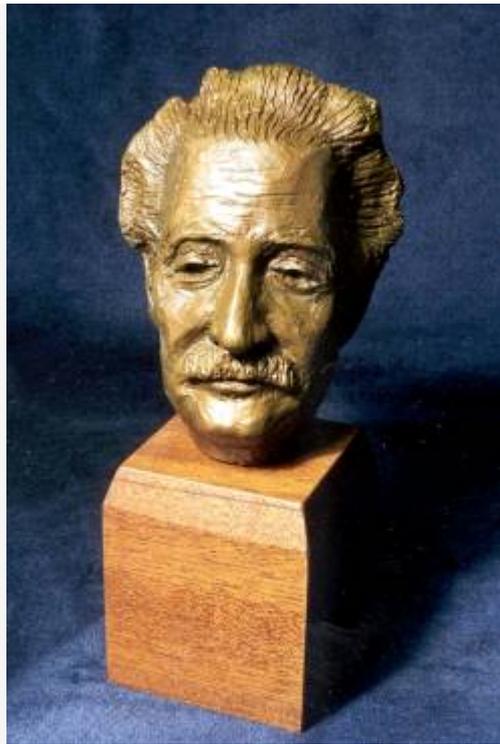

Целая армия врунов и сегодня работает на миф об Эйнштейне. Не все, конечно, обманывают сознательно, немалая часть просто верит в мифы, сочиненные в первой половине прошлого века. Наивные простаки эту ложь приукрашивают и затем

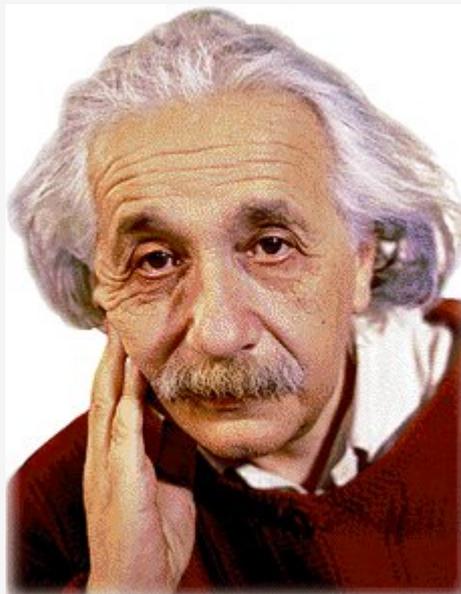
транслируют, прикладывая во стократ большие усилия, чем давно ушедшие мошенники, имевшие доступ непосредственно к телу божества. Уже после опровержения теории относительности и обнаружения документов, разоблачающих кумира XX века, авторы книги «Триумф и драма Альберта Эйнштейна», Феофанов и Пилат, вместе с остальными фанатиками релятивистской догмы заявляют, что «вовсе не считают, что вопрос о правильности или неправильности специальной или общей теории относительности является актуальным. По их мнению, это вообще не столь важно. Эйнштейн был сродни открывателю новых материков. Он открывал их и в меру своих сил обследовал, предоставляя другим изучать их более или менее досконально. Этим материков было много, по крайней мере, пять: обе теории относительности (специальная и общая), квантование света, единая теория поля и космология. ... Эйнштейн каким-то образом угадывал эти новые миры и открывал их. Может быть, его зарисовки, были неясны, они были похожи на багровый лондонский туман, который никто кроме импрессионистов, не видел, они были миражом и не имели четких очертаний, они были зыбучим песком и болотом, на котором плясали огоньки Святого Эльма. Они манили, и не беда первооткрывателя, что он чего-то увидел и совершил не так. Будем признательны ему вечно только за то, что он открыл путь в эти новые миры» [5, с. 9–10].

Значит, те подозрения, которые всегда существовали в среде рационально мыслящих физиков и сегодня окончательно подтвердившиеся, наших авторов не смущают. Для них важен «багровый лондонский туман», который напустил Эйнштейн. Они благодарны ему за создания огромной волны романтических и мистических спекуляций. Вот как рассуждают эти авторы, а вместе с ними огромное число любителей современной схоластики: «Обыватель мог задать вопрос: "какой прок в специальной теории относительности или в общей?" и не получить никакого ответа. Ну, какую реальную пользу можно извлечь от знания, что луч искривляется в гравитационном поле? Для обывателя, живущего в евклидовом и ньютоновом мире от этого, как говорится, ни жарко, ни холодно. Было нечто иное: мистический энтузиазм толпы совершенно неподготовленных людей во многих странах мира, массовый гипноз, психоз или иной вид транса — ворожба или погружение в сказку.

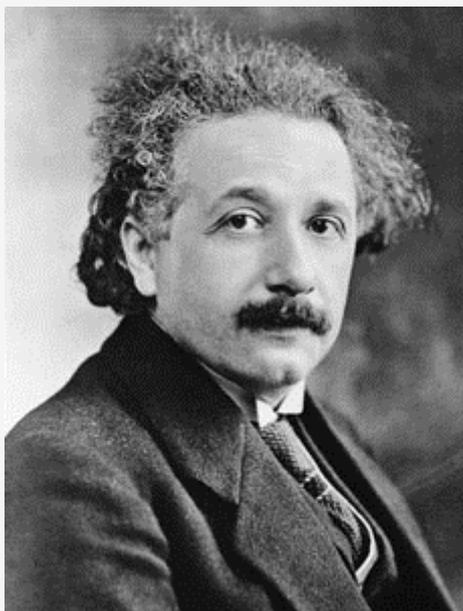
Людам всего мира вдруг стало ясно, что в двадцатом веке Бог вновь снизошел до них, Он дал им некое новое знание, как когда-то делился сокровенным с Моисеем или с Мухаммедом, вещал голосом Иисуса. На землю снизошло новое Откровение, Новое Знание. И это хорошо, что его не понимали сразу, потому что невозможно, чтобы новое Знание восприняли так, сразу ... И были сомнения... инсинуации и домыслы. Они были вначале и после, во все времена. Потому что Эйнштейн все равно был одиозной фигурой. И так не хотелось, чтобы именно он был автор... "Господи, ну пусть не он, а кто-нибудь другой". Но Господь, наверное, любил шутников, по крайней мере, в то время, когда Эйнштейн позволял себе шутить с Ним. Сомнения канули в Лету, сомневающиеся и домыслы – тоже. А чего только не выдумывали вокруг его имени. Яркие антисемиты приписывали его достижения кому угодно, даже Милеве Марич. Это было глупо» [5, с. 78].

Сейчас перед нашими читателями продемонстрировано действие домкрата по поднятию

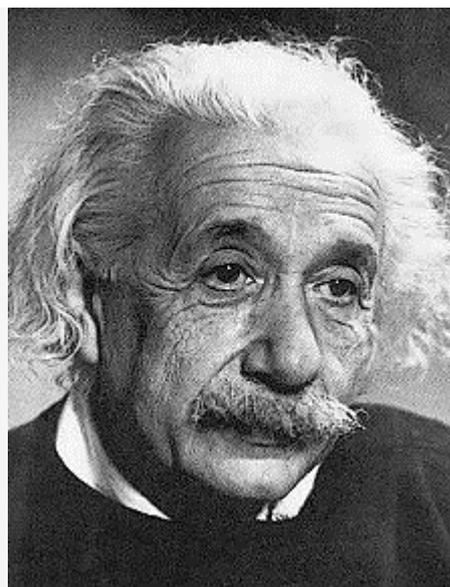
золотой статуи Эйнштейна на самую вершину славы. Триумф *Великому Альберту* баснописцы, Феофанов и Пилат, написали на совесть. Их текст ничем не уступает тексту легенды о древнем императоре Китая. В легенде о совершенно-мудром Баоси говорилось: «В стародавние времена *Баоси* был ваном Поднебесной. Смотрел вверх — созерцал образы Неба, смотрел вниз — созерцал образы Земли. Разглядывая узоры птиц и зверей, он угадывал наземный порядок. Близкое брал с себя, далекое — с вещей. С этого начал создавать восемь триграмм [т.е. некую *универсальную теорию всего*], чтобы проникнуть в просветленную духом *Де*, чтобы систематизировать свойства тьмы вещей. Вязал узлы на веревках, плел сети и силки, чтобы охотиться и ловить рыбу» (*Сицы чжуань*, II, 2).

В комментарии к «Книге Перемен» говорится, что совершенно-мудрые изучали «перемены» и «добились того, чтобы народ не изнурился», «одухотворились» и развили свои способности так, «чтобы народ следовал им», после чего «Поднебесная умиротворилась». Они совершили множество других дел: «Приручили скот, впрягли в упряжку коней, возили грузы, достигали далеких мест, чем приносили пользу Поднебесной... Сделали двойные двери, поставили сторожей с колотушками, чтобы отвадить незваных гостей... Сломали дерево — сделали пест, накопили глины — сделали ступу. Польза от ступ и пестов была в том, что весь народ получил прибавку к пище... Натянули тетиву на дерево — сделали лук, заострили ветки дерева — сделали стрелы. Польза от лука и стрел была в том, что они усилили Поднебесную» и т.д.

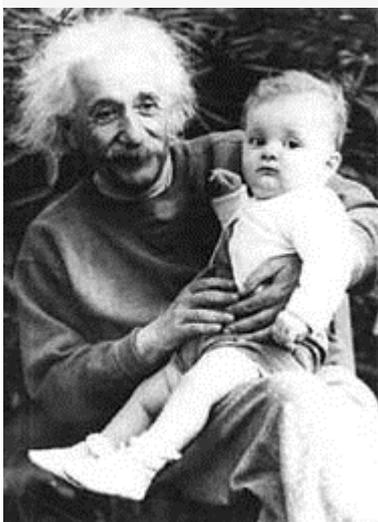

Этот «триумф» китайских мудрецов не идет ни в какое сравнение с «триумфом» *Блистательного Альберта*. Феофанов и Пилат, увидели не такое, правда, они не рассказали, как им на голову снизошла Божья Благодать в виде знания о *Гениальнейшем Альберте*, но мы примерно догадываемся. Подумаешь, какая мелочь: совершенно-мудрые Поднебесной научили народ выдалбливать лодки и мастерить весла, шить одежду и обувь. Дела *Всевидящего Альберта* сродни делам великих пророков — Моисея, Мухаммеда и Иисуса. Нет, не потому *Всемудрейший Альберт* является первооткрывателем двух теории относительности и еще трех огромных материков, а потому, что он, наш *Благороднейший Альберт*, самим Богом меченный, находясь в одной компании с ним, позволял себе шутить над ним. Куда уж Моисею, Мухаммеду и Иисусу тягаться с *Всемогущественным Альбертом*. Непреходящее предназначение Феофанова и Пилата состоит в том, чтобы покрыть лепестками роз небесный путь *Вседостойнейшего Альберта* и возвеличивать, возвеличивать, возвеличивать его имя в глазах будущих поколений.

«О, нищие духом! О, жалкие ничтожества, преисполненные низкими думами, — обращаются к нам авторы "Триумфа", — налетайте, раскушайте нашу *Новую Библию*, читайте и заучивайте наизусть гимны о *Всеблагом Альберте*». Так мифотворцы во все времена слагали легенды о своих кумирах, Феофанов и Пилат здесь не исключения. Они, конечно, не самые лучшие, но и далеко не худшие сочинители «триумфальных» былин о «подвигах» своего героя. Я же свою задачу вижу в другом: обещаю приложить все силы для того, чтобы донести до читателей максимально правдивую информацию о человеке, которого до сих пор многие ошибочно считают величайшим мудрецом, попытаюсь всеми доступными мне средствами разоблачить вековой культ родоначальника спекулятивного учения.

Представьте себе такую картину. Человек, боготворящий Эйнштейна, после его смерти выковыривает у него глаза, опускает их в склянку с консервирующей жидкостью, затем это сокровище помещает в сейф одного из банков штата Нью-Джерси и в течение всей своей жизни периодически навещает туда, чтобы еще и еще раз заглянуть в зрачки плавающих в растворе глазных яблок. «Когда вы смотрите в его глаза, — делится он своими восторженными впечатлениями с журналистами, — то видите все красоты и тайны мира» [7, с. 688]. Я не осуждаю этого человека, тем более, что им является Генри Абрамс, личный офтальмолог Эйнштейна. Однако могу уверенно сказать, что человек подобного склада ума сделан из другого теста, чем все остальные здравомыслящие люди. Чувства восхищения, любви и благоговения, конечно, знакомы каждому, однако они не достигали той интенсивности и не принимали столь извращенных форм, как у этого врача-офтальмолога.

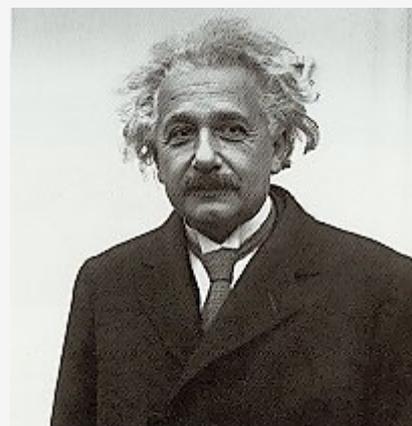

Образ плавающих глазных яблок навел меня на воспоминания о другой картине. Сразу после смерти Эйнштейна газеты всего мира опубликовали рисунок, где в безбрежном пространстве вселенной плавают множество шаров-планет, напоминающих глазные яблоки. На одной из них прикреплена табличка: «Albert Einstein lived here» — «Здесь жил Альберт Эйнштейн». Этому рисунку, мне кажется, самое место в учебнике по психиатрии, где изучаются одновременное помешательство огромной массы людей на каком-нибудь виртуальном образе ученого, артиста или политика. Любимец публики представляется толпе фанатиков идеальным человеком, на внешнем и внутреннем облике которого нет ни единого пятнышка какого-нибудь некрасивого, аморального свойства. И вот в 1987 г. на «Солнце» обнаружены пятна, а именно, выяснилось, что у Эйнштейна от первого брака с Милевой Марич осталась дочь по имени Лизерль. Молодой человек по настоянию своей ненормальной семейки сплавив малютку неизвестно куда и кому, лишь бы подальше от себя.

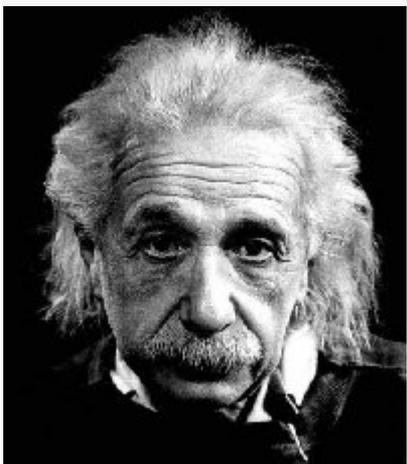
Данный поступок можно было бы еще как-то объяснить, если бы девочка появилась не от него, где-то на стороне, от случайно встретившейся женщины, которая взяла бы на себя заботу о ребенке. Однако речь идет о первенце, появившемся у любящих друг друга молодых людей. Трудно себе представить, чтобы влюбленная пара кинула свое первое

дита только потому, что оно появилось на свет *до оформления* брачного союза, ведь *после оформления* документов супруги жили еще много лет, у них появилось двое мальчиков. Несмотря на проявленное здесь бессердечие, более аморальным поступком является, пожалуй, сам факт укрывательства рождения дочери. Далее мы увидим, что укрывательство есть характерная черта Эйнштейна — чего бы она ни касалась. Так, например, традиционно ему приписывается авторство самой сумасбродной доктрины, когда-либо существовавшей в физике. В действительности же, теория относительности не была исключительно его детищем: главную роль при ее создании сыграла Милева Марич.

Но дело даже не в первой жене Эйнштейна. Выше мы уже дали понять, что релятивистское учение появилось подобно *религиозной вере*. Сначала оно медленно в течение нескольких десятилетий конца XIX века выкристаллизовывалось в среде математиков и философов. Затем, в начале XX века идея тотальной относительности овладела физиками. Где-то на исходе второго десятилетия прошлого столетия, эта существенно вульгаризированная идея получила широкое хождение в малообразованной (в научном плане) среде актеров, литераторов и художников таких, как Чарли Чаплин, Бернар Шоу и Сальвадор Дали. Вокруг этих популярных личностей роем кружили экзальтированные дамочки. Они-то, собственно, и стали первыми учредителями теории относительности.

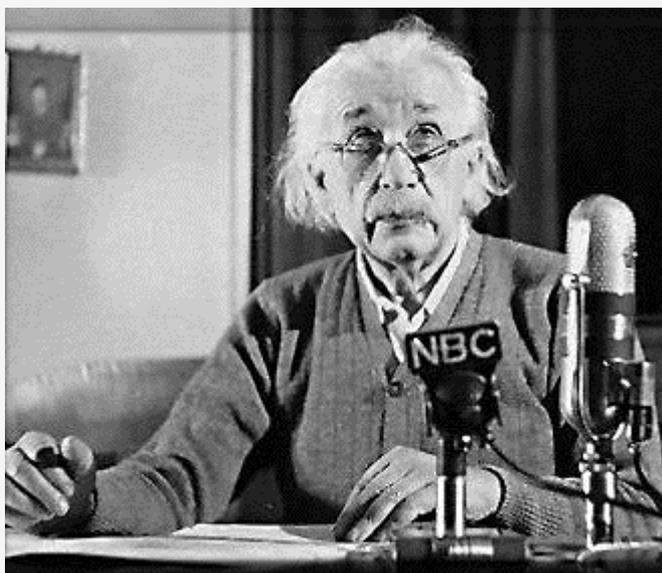
Таким образом, захватывающая воображение масс доктрина, как плод всякого мифотворчества, не имеет конкретного автора. По тем же самым причинам релятивизм не имеет и каких-то отчетливых концептуальных границ, если вообще в данном случае уместно говорить о концепции. Всякая попытка свести концы с концами здесь приводит к противоречиям. Это происходит потому, что большая группа мыслителей шизотимического типа (в смысле Эрнста Кречмера) с формально-феноменологической эпистемологией порознь и несогласованно вносила в коллективную картину помешательства на почве физики крупницы своих представлений наукообразного характера.

В целом *релятивизм*, как узкоспециализированная теория и широкомасштабное философское мировоззрение, имеет весьма опосредованное отношение к нормальному конструктивному естествознанию, поскольку носит исключительно патологические формы освоения действительности. Эта раковая опухоль паразитировала на ньютоновой физике абсолютного пространства и времени, которая тоже имела весьма опосредованное отношение к природоведению. Об этом нужно говорить отдельно, но уже сейчас читатель должен иметь в виду, что автор «Математических начал натуральной философии» тоже обладал (или, лучше сказать, страдал) шизотимическим восприятием действительности. Именно потому обоих «гениальных мыслителей» ставят на одну доску, что они вывели рациональную физику своего времени из сферы конструктивной науки в сферу философских спекуляций.

Эйнштейн является ярким представителем ученого, гонящимся за интеллектуальным наслаждением от всеобщих и универсальных концепций вроде эфемерной теории единого поля. Ученый, склонный верить в хиромантию и телепатию — а существуют свидетельства, что этими неестественными вещами Эйнштейн интересовался, — всегда будет плохим естествоиспытателем. Человек, с точки зрения психологии, представляет собой цельное существо: если он, например, постоянно домогается женщин, глубоко презирая и ненавидя их, то существует огромная вероятность того, что аналогичным образом он будет поступать в отношении истины вообще и науки в частности. Отец-основатель релятивизма был дамским угодником — это хорошо известно всем его биографам, но они упорно не хотят видеть его петушиных притязаний на знание физики.

В начале своего творческого пути Эйнштейн, можно сказать, украл у своей первой жены докторскую диссертацию под названием «К электродинамике движущихся тел», за которую неожиданно получил всеобщее признание. Потом всю оставшуюся жизнь он доказывал себе и окружающим, что достоин этой славы. Так появилась на свет общая теория относительности, после которой он уже permanently находился в поисках нового объекта для восхищения толпы, жил мечтой о чудной доктрине, обладающей сверхъестественными качествами. Но в глубине души он ненавидел прозаическую истину, которая, как упрямая и своенравная девушка, насмеялась над его интеллектуальной немощью. Вместе с ним в состоянии влюбленности, завораживающего любопытства и неопишуемого восторга впала вся многочисленная толпа его неистовых поклонников, которые в течение нескольких десятилетий с неослабевающим интересом следила за любовным романом между обаятельным, внешне чудаковатым ученым и феерической красавицей доктриной. Дотошные журналисты и ревнивые любовницы то и дело спрашивало его: «Ну, как, ты видел свою Истину? Какая она, верно, хороша собой? Тебе удалось овладеть ею? Не молчи, у тебя с ней наверняка уже что-то было!»

Последователи Эйнштейна, называя физику столетней давности все еще «современной», тщетно ищут «Теорию Всего», начало которой заложил кумир их молодости. Они продолжают тешить себя сладкими фантазиями о путешествии во времени, надеются открыть всеобщую и универсальную формулу мироздания, описывающую структуру таинственного поля, сотканного из какой-то странной смеси гравитационного, электромагнитного и духовно-религиозного субстрата. Чтобы хоть как-то способствовать

крушению самой большой утопической иллюзии ушедшего века и приблизить день прихода в науку естествоиспытателей конструктивного склада ума, в данной работе как раз и предпринята атака на гранитный постамент золотого фетиша, оказавшегося на самом деле размалеванной тряпичной куклой, набитой заплесневелыми опилками. Я намерен убедить читателя в том, что даже эта, ничтожная концепция, основанная на романтическом восприятии реальности, не могла быть детищем человека, вся жизнь которого была построена на лицемерии и обмане.

В дальнейшем нас будут интересовать две вещи: во-первых, какова роль Милевы Марич в деле создания теории относительности; во-вторых, надо понять личность самого Эйнштейна, который вызвал столь нездоровый ажиотаж вокруг себя и релятивистской доктрины. Мы постараемся доказать не столько то, что его первая жена была «родительницей» первой работы по теории относительности, сколько то, что ее муж, Альберт Эйнштейн, не мог быть «отцом-основателем». В 1905 году ему просто некогда было заниматься наукой, он ею тогда и не занимался. Его ограниченные способности, отсутствие элементарного прилежания, математических знаний и пространственного воображения не позволили бы это сделать. Ниже будет также рассказано о его бесчестном характере и безграничных, но интеллектуально ничем необеспеченных, амбициях.

Любопытно отметить, что авторы книги «Триумф и драма Альберта Эйнштейна», процитированной выше, понимают под «драмой» своего божества. Открываем двенадцатую главу, которая так и называется — «Драма», и читаем с самого начала: «Он был идеалистом, идеалистом во всём. И этим самым всем была его первая женитьба [?] Его избранница — сербская студентка из богатой [?] семьи — была хрома, болела костным туберкулезом и была старше его на четыре года. Ее внешние данные были много хуже [?], чем у него. Их брак был мезальянсом [т.е. брак с лицом более низкого социального происхождения] и ничего не доказывал [?] Он был обречен на расставание с самого начала [?] Он был настойчив и упорен в своих идеях и безумно мужественен [?] Потому что семья его держалась ортодоксальных взглядов [?] Это была иудейская семья с традиционными патриархальными [?] взглядами, и женитьба на сербке Милеве Марич была его первым прыжком в Зазеркалье еще и потому, что он был молод и не видел того серого безумия [?], которое пеленой стояло в спокойных глазах его суженой. Но это видел его отец [?] и противился браку до самой смерти. Милева была меланхолична, безумие ее было наследственно. Ее сестра Зорка была душевнобольной. И младший сын Эйнштейна был также поражен этим недугом» [5, с. 146 – 147].

Здесь мы расставили множество вопросительных знаков, которые указывают на спорные места в тексте. Но дело не только в них. Это пафосное извержение передает тот шизофренический тон, который грозит заразить умы молодых людей, живущих уже в XXI веке. Далее авторы

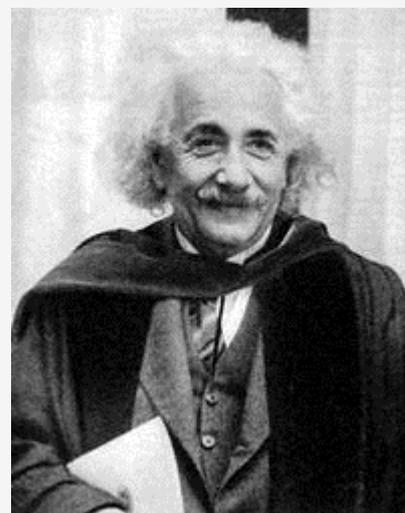
рассматривают вопросы физического вакуума, антигравитации, биомагнетизма, образование планетных систем и т.д., которые волнуют наших физиков. Но, подумайте, разве могут люди при таком нездоровом состоянии ума заниматься естественными науками? Книга «Триумф и драма Альберта Эйнштейна» является прекрасным образцом романтического невежества, которым были заражены практически все физики прошлого столетия, начиная от рядового школьного учителя и кончая директором главного академического института.

Однако в чем же все-таки, по мнению авторов, состоит драма Эйнштейна? Может быть, в несчастном браке? Так и есть. «Милева, — пишут Феофанов и Пилат, — была даже не пустышка, не нуль, она была отрицательной величиной. Она была женщина с тяжелой наследственностью. И младший сын Эйнштейна унаследовал гены матери. Кстати, распространяемые в последнее время слухи о некоем вкладе Милевы в теорию относительности просто абсурдны. Чем же объяснить выбор Эйнштейна? [Этот вопрос у них повис]. А потом незаслуженно рано ушли друзья *Марсель Гроссман* [которого Эйнштейн беспощадно эксплуатировал] и *Пауль Эренфест* [правильно писать: *Эренфест*]. Вторая женитьба тем более была не по любви [?] Он перенес слишком много разочарований [?] Интересны строки письма: "В общей

теории относительности я не достиг продвижения: электрическое поле по-прежнему ни с чем не связано. Связь не получается. И ничего у меня не выходит в понимании электронов. Мой ум потерял гибкость или действительно спасительная идея очень далека?"» [5, с. 149].

И что же, в этом виноваты Милева и Эльза? Феофанов и Пилат сильно ошибаются в отношении Эйнштейна. Он строил из себя великого ученого, но таковым никогда не был. Основатель спекулятивного учения убедительно играл свою роль физика-теоретика и был, надо отдать ему должное, талантливым актером, которому поверила часть ученого истеблишмента и миллионы обывателей. В жизни, как уже говорилось, он был неисправимым ловеласом, неверным супругом и черствым отцом. Такое сочетание отрицательных качеств не было случайностью: явление всеобщего помешательства только и могло происходить на фоне чего-то ужасно фальшивого и подлого. Но почему ему поверили, что в нем было такого, чего не было в других

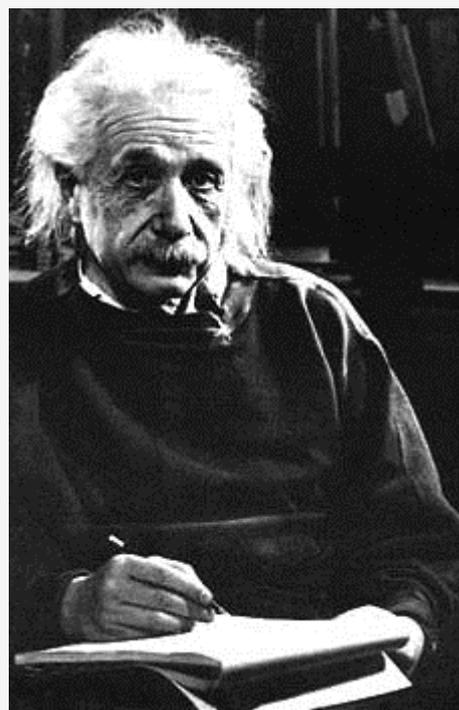

физиках? Ведь Эйнштейн был обыкновенным смертным с не бог весть какими способностями. Живи он в любое другое время, никто бы его не заметил. Работал бы себе рядовым клерком крохотной конторки, каковым он, собственно, и был в начале своего звездного пути, и никто бы его сейчас не вспомнил.

Однако над Европой взошла заря иррационализма, и

всё ее внезапно поглупевшее население погрузилось в схоластику и мистику. (О научно-философской атмосфере рубежа XIX–XX веков рассказывается в книге «Психология познания. Удод».) Как только невидимые часы истории возвестили приход эры релятивизма, тотчас человечество из миллиарда вздорных романтиков, выбрало его, никчемного служащего, симпатичного кучерявого паренька, смотрящего на мир с какой-то иронической, почти издевательской ухмылкой, которая, однако, сводила с ума слишком чувствительных женщин. (Рассказывают, будто дочка виконта Холдейна, бывшего министра обороны Великобритании, увидев Эйнштейна на званом ужине, упала в обморок.) Почему выбран именно он, какие дьявольские черты характера и ума могли приковать внимания сотен тысяч газетчиков, ведущих радио- и телепрограмм, художников, режиссеров, литераторов, философов, политиков — словом, людей, далеких от науки, имеющих о ней весьма туманное представление?

Если говорить коротко, ответ будет таким: Эйнштейн лучшим образом отвечал сумасшедшей эпохе, которой, кажется, пришел конец; он точнее всего соответствовал психоделическим сдвигам самых различных слоев населения. Народ выбрал его, как представителя шизоидного (опять же, в смысле Кречмера) типа, но ни в коем случае не как выдающегося ученого, теорию которого толпа никогда не понимала. Доказать это будет нелегко, так как многие обширные места его биографии никому не известны. Близкие люди, некогда окружавшие его, умерли, а его душеприказчики, Элен Дюкас и Отто Натан, на протяжении многих лет тщательно скрывали свидетельства; до сих пор немалая часть документов остается закрытой. Ранее написанные книги вместо реального человека рисовали глянцевого портрет какого-то мифологического героя, религиозного пророка или сверхъестественного существа, давая тем самым превратное представление об Эйнштейне.

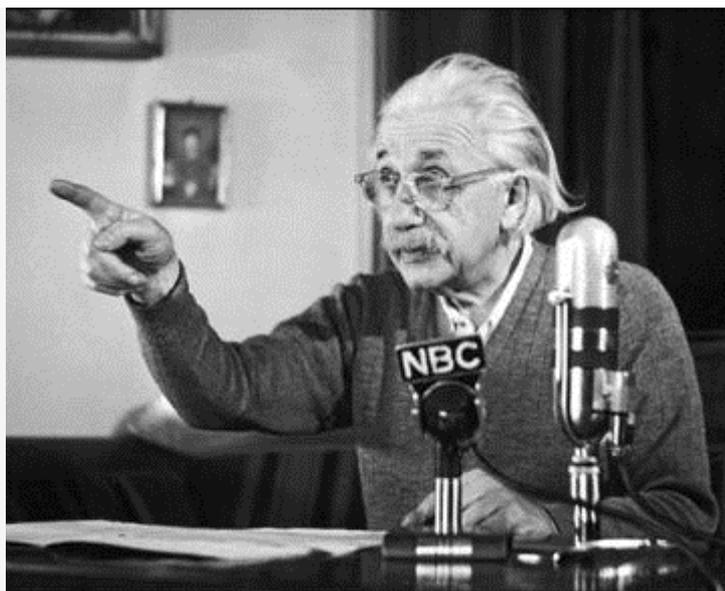

Но для релятивистов нет другого пути, кроме как малевать плакатные образы творца теории относительности и на все лады восхвалять его беспримерный подвиг. Разве можно поклоняться сардоническому пересмешнику, наслаждающемуся жизнью веселого селадона. На публичную арену науки Эйнштейн взошел опытным шулером с маской рассеянного мудреца. После его пришествия рациональной физике оставалось жить недолго. Причем родоначальник релятивизма, в сущности, ничего не создал, за него всё делала толпа восторженных фанатиков, он же исполнял почетную роль отправного нуля, от которого ведет счет новая эра физики. Историки науки любят спорить по поводу того, кто — Лоренц или Пуанкаре — был ближе к Эйнштейну. Им и невдомек, что главный релятивист планеты есть только условная метка, порожденная случайными и темными силами экзальтированного сообщества любителей чудесных таинств. Толпа подняла его на щит и понесла к Олимпу славы, даже не догадываясь, что всё его мудрствование есть отражение их собственных сумасбродных фантазий, которые он лишь кодировал в наукообразные символы.

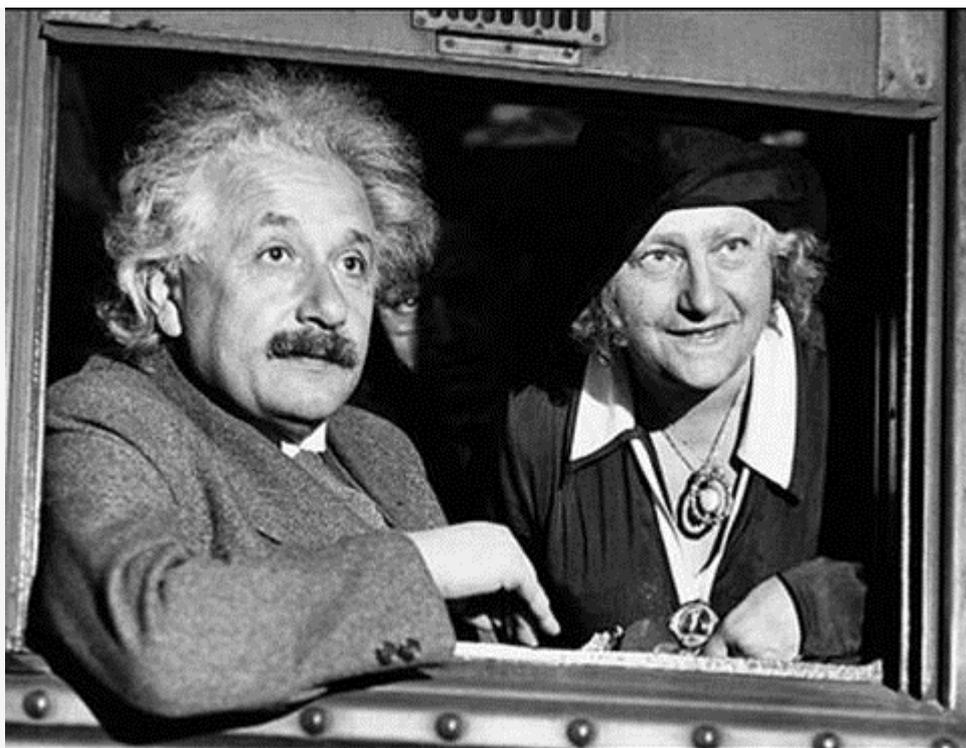
При анализе формул теории относительности, ответственных за самые основы мироздания, дотошные и честные исследователи натываются на сомнительные манипуляции или даже грубую халтуру. Сначала не веришь своим глазам и сетуешь на свои недостаточные интеллектуальные способности. Невозможно представить, чтобы бесчисленная масса студентов, преподавателей и ученых могла пройти мимо явных ошибок и не заметить вопиющих противоречий. Следовательно, именно ты, отдельно взятый человек, чего-то недопонимаешь, а мировое научное сообщество стоит на правильном пути. Однако в прошлом человечество в целом уже не раз ошибалось, шло ложным путем, и на то были веские причины. Есть почва для них сегодня? Да, есть.

В XX веке в мире возникли условия для существования суеверий, мистики и схоластики. В обществе вызрели силы, которые сошли с пути, по которому некогда шли Коперник, Гюйгенс, Максвелл, Больцман, Дж. Дж. Томсон, развивавшие конструктивные теории, адекватно описывающие реальность. Время рациональных концепций прошло, на арену культурологического строительства заступили люди с религиозно-мистическим и формально-феноменологическим типом мышления, какие господствовали в средневековые времена.

Должно было все это как-то отразиться на конкретных физических теориях? Несомненно! Релятивизм является прямым продуктом нового веяния. Схоластов во все времена хватало, только не всегда они обладали такой полнотой власти. Первая задача честного учителя, ученого, историка, который понял причины гибели науки, заключается в том, чтобы предупредить современников и потомков о надвигающемся Новом Средневековье. Не время сейчас создавать рационально-конструктивную физику — она будет просто высмеяна, ее не воспримет шизотимическое сообщество нынешних ученых. Значит, от нас, людей здравого ума и твердой воли, требуется сосредоточить максимум усилий на критике спекулятивных доктрин, возникших в XX веке. Необходимо всеми доступными средствами разоблачать мошенников, притворяющихся большими учеными.

Год 2005 в Германии и во всем мире был провозглашен годом Эйнштейна. На его открытие тогдашний канцлер ФРГ Герхард Шрёдер сказал: «Благодаря своему образу мышления, Эйнштейн произвел переворот в науке и изменил весь мир. Для молодежи всего мира он стал настоящим идиолом, культовой фигурой из-за своей нравственной неподкупности и отказа от приспособленчества». Человечество еще не знало столь *конформистского*, т.е. наилучшим образом *адаптированного* в обществе, человека, чем Эйнштейн.

Еще при своей жизни за счет мощной PR-кампании немецко-швейцарский и американо-израильский ученый стал самым узнаваемой персоной на планете, оставив позади себе Гитлера, Сталина, Мао-Цзэдуна и ныне популярного Гевара де ла Серна — знаменитого революционера Че. Что он сделал полезного для науки, никто толком до сих пор не знает. Думают, что большую часть времени он сидел за своим письменным столом и напряженно работал. Немногие знают, что львиную долю времени он провел в веселом общении с женщинами и друзьями, не разбирающимися в физике, в беседах с журналистами и общественными деятелями, много путешествовал по миру, катался на собственной яхте по собственному озеру, беззаботно играл на скрипке, курил трубку и занимался еще, бог знает чем, только не наукой.

Тем не менее, сотни научно-исследовательских институтов, академических учреждений и общественно-политических организаций, а также историко-культурных и общественно-политических журналов откликнулись на событие мирового значения — 100-летие выхода в свет первой статьи по теории относительности. Такие известные научно-популярные журналы, как «Scientific American» и т.п., посвятили Эйнштейну целые номера и не строчке Милеве Марич, которая сообщила фантазиям мужа математическую форму. Она принимала участие в написании всех его статей, вышедших с 1901 по 1908 год.

В юбилейном году прошли сотни лекториев, книжных выставок и фестивалей с распродажей футболок, кружек, календарей и книжных закладок с изображениями великого физика. На фестивале в Гластонбери публика слушала доклады уважаемых профессоров об Эйнштейне и его удивительной теории относительности. Кинофильмы, компьютерные программы, наглядные макеты и лабораторные установки демонстрировали достижения науки, которые стали возможны якобы благодаря открытиям гениального ученого. Танцевальная группа Рэмбарта даже поставила балет под названием «Эйнштейн».

Удивляться здесь нечему. В мире действуют огромные информационные корпорации для обработки мозгов в направлении, которое задается влиятельными политико-идеологическими группами. Стоило в 1919 году «Нью-Йорк Таймс» напечатать несколько броских заголовков, как тут же миллионы обывателей превратились в фанатиков новой теории. Однако, чем шире распространено в народе учение, тем меньше в нем правды. Мировые религии немного содержат истины; релятивизм — одна из форм религиозной веры. Теории, более или менее верно отражающие реальность, известны небольшой группе специалистов.

Философия *скептицизма* состоит в том, чтобы не поддаваться всеобщему восторгу по поводу какого-либо социального феномена. И *скептик* — это не тот, кто всё отрицает и без разбора ничему не верит, а тот, кто всё *критически осмысливает*. Помните, первоначальный смысл греческого слова σκεπτικός — *исследующий* или *рассматривающий*.

1. Лоуренс У.Л. Люди и атомы. Открытие, использование и будущее атомной энергии. — М.: Атомиздат, 1966.
2. Ланцош К. Альберт Эйнштейн и строение космоса. — М.: Наука, 1967.
3. Бор, Нильс. Альберт Эйнштейн (1879—1955). Избранные научные труды. Т. 2. — М.: Наука, 1970. (Scientific American, 1955, 192, #6, 31).
4. Комаров В. Геометрия Вселенной. «Знание — сила», № 2, 1968.
5. Феофанов В.А., Пилат Б.В. Триумф и драма Альберта Эйнштейна. — М.: Когелет, 2001.
6. Сноу Ч.П. Портреты и размышления / Перевод Г. Льва. — М.: "Прогресс", 1985 г., стр. 137-156
7. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).
8. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. — М.: Наука, 1980.
9. Сталин И.В. Сочинения с 1901 по 1934 гг. в 13 томах. — М, 1951 — 1953.
10. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. — М., 1956.